

МЫ — ИЗ ДУРДОМА

Роман¹

От автора:

Сказано, что дорога в ад вымощена благими намерениями, да вот вопрос: благими ли были намерения большевистских «демореформаторов»? Сравнительный анализ людских потерь на территории *imperia renovatio* за годы «перестройки» показывает, что геноцид русских, осуществленный ими, превосходит по масштабам и возможным последствиям все известные в истории примеры. Он грозит полным исчезновением белой расы на земле, а базисных русских народов — в первую очередь. Не надо концлагерей, ключей проволоки, печей Освенцима. Нужна «либеральная рыночная экономика».

«Яма нашего кризиса потому не имеет просвета, что построена из безумия, а оно — как живой активный туман, постоянно заращивает все щелочки и трещины. И дела, и слова Дворковича или Мау каждый раз рождают страшную мысль: кто безумец — я или они? Мое положение тем более трудно, что они для пользы своего дела иной раз и явно на себя маску безумца наденут. Рынок — наивысшая ценность! Нажива — наивысший идеал православного человека! Это нас сбивает с толку, явный обман этих «реформаторов» скрывает вещь гораздо более опасную и даже трагическую для всех нас. Под маской безумца у «реформаторов» маскируется неизвестность — а может, у них безумие истинное и искреннее?.. Выступает министр экономического развития Герман Греф и заявляет, что из-за высоких цен на нефть «предстоящие реформы будут очень тяжелыми». Как сообщает РИА «Новости», Греф сказал буквально следующее: «На сегодняшний день легких и популярных реформ не осталось, они будут болезненными и будут нарушать привычный образ жизни». Казалось бы, услышав такое от министра, который отвечает в России за «выращивание институтов», санитары должны были бы моментально вбежать в актовЫй зал, сделать бедняге укол и завернуть его в мокрую простыню. Так нет, толпа «модернизаторов экономики» встретила эти безумные слова бурными продолжительными аплодисментами... Трагедия в том, что мы оказались очарованы их масками и верим их рассуждениям — и безумие разлилось по всей стране...»² В психиатрии первое называется паталогической лживостью, второе — индуцированным бредом. У Козьмы Пруткова это называется «не верь глазам своим».

Несколько сотен «олигархов» контролируют 70 % национального достояния России. Грабежи и дербанка, принимая все более циничный размах, пошли палом по всей территории огромной страны с самым антинациональным, самым антирусским режимом на всем постсоветском пространстве. Мировой мрази выгодно, чтобы славяне воевали сами с собою до полного своего истощения.

За период с 1989 года только по официальной статистике численность русских в РФ уменьшилась более чем на 12 миллионов³. На Украине ситуацию можно назвать как «Голодомор-2», проводимый новыми большевиками — чоновцами финансового интернационала. Беларусь держится личностью А.Г. Лукашенко, который сделан не из железа. Но, вместо того чтобы объединиться для борьбы за наследие своих предков, славяне сцепились между собой в безжалостной драке нищих слабосильных карликов за бойкое место на паперти «*novus ordo saeculorum*» — нового мирового порядка. Выход из этого загона будет тяжелым и болезненным, с неизбежной сменой образа жизни и системы ценностей. Потому-то и печален факт, что «хохлы-малороссы» стали врагами с «кацапами-великороссами». Непрерывно ведется травливание России с Белоруссией. Этот факт подтверждает истину, что самые страшные драки происходят в родной семье. О нелепой, абсурдной войне, на которой оружием массового поражения являются предвыборные технологии, а самым страшным поражением является утрата нами будущего наших детей — этот роман.

«Можно сколько угодно кричать о том, что верхушка правых на содержании западных спецслужб, но вот незадача: почему-то на выборах за эту продажную верхушку голосуют миллионы!» — простодушно пишется на одном из интернет-сайтов. Это пишет человек, словно бы свалившийся с луны и не знающий о том, что такое «выборные технологии». Обыватель содействует своей гибели самым участием в комических выборах: ведь тем самым он признает их трагическую законность. Значит, признает он и законность проводящей их клики.

¹ Последний роман Николая Шипилова, скончавшегося в сентябре 2006 года, является, фактически, завещанием писателя.

² Кара-Мурза С. Г., contr-tv.ru. (Здесь и далее — примечания автора).

³ См. сайт Госкомстата, www.gks.ru.

Вот — начало начал наших нескончаемых бед и взаимных обид. А заказчик смут — американская демократия — широкими шагами идет по всему миру, но впереди нее все-таки идут танки и летят бомбардировщики. Чем будем встречать их мы, когда пробьет наш час, славяне? Что мы скажем своим детям о потерянном рае — большой и сильной родине? Что наши дети скажут нам? Похоже, что мы уже не братья-славяне, а бытовой мусор, который достоин того, чтоб его вывезли на свалку истории. Россия, а с нею и каждый из нас, славяне, глядит в лицо своей гибели. Где санитары? Где караул?..

Необходимо оговорить еще две составляющих романа.

Первая: этот роман написан с преимущественным использованием суржика, потому что все отверженные государством сообщества переходят на свой кодированный язык, на сленг, на аргю — это защитная, протестная реакция. В наше время суржик приобрел невероятную мощь, потому что на нем говорит стоятидесятиллионный, неплохо образованный, но отверженный народ России.

Вторая: ни при советской власти, ни при нынешних — автор романа не участвовал в комедии выборов, за что приходится платить житейским комфортом и многими лишениями. Но поверь, читатель, что, несмотря на условно-ироничную манеру нижеследующего повествования, автор уверен, что мир в мире хранят так называемые «дураки». Ему дорога мудрость Пифагора: народ достоин сожаления, а не осмеяния.

СПРАВКА О СПРАВКАХ

I

Очень много развелось беспризорных идиотов и социопатов.

В стареньких номерах первого этажа старенького отеля кто-то коротко чихнул и, как подрезанный кричит «караул», так и этот некто закричал:

— Успей! Продать! Родину! Сего! Дня!

Но, разбуженный этой, вероятно, похмельной мантрой, я проснулся на пятом этаже и подумал: спасибо все же перестройке. Спасибо. Салют. Если б не она, то наш дурдом в деревне Яшкино не сгорел бы. Прием старый, доперестроечный, нероновский: берешь клизму с марганцовкой, заливаешь керосином и оставляешь ее ночевать на чердаке с хламом.

Таким макаром наш дурдом сжег сам завхоз Завен Сергеич, в отличие, например, от приюта для умалишенных в Льюистоне штата Мэн. Там медицинская служба мирно, как Варшавский пакт, аннулировала патент в связи с тем, что пациентам закрыт доступ к порнографическим изданиям. Ему же, нашему Завену, надо было скрыть улики, к тому же, он боялся злобных психов, каковыми он небезосновательно, но очень уж огульно, считал даже нас с Юрой Воробьевым. На месте же нашей тихой гавани — последнего, как мне казалось, оплота цивилизации, добра и разума — теперь стоит элитный загородный бордель.

Но нет худа без добра. Не утвори своего пожара почтенный Завен, тогда бы нас, настоящих и закосивших на «дурку» пациентов клиник, не распустили бы по всей матушке России. Я не жил бы припеваючи в этой старенькой писательской гостинице Дома творчества. Никто бы никогда не стал издавать моих книг, врачующих людские пороки. Запойному полковнику ПВО Полумордвинову — никто не дал бы заниматься развитием теории бескровных государственных переворотов, а нынче он какой-то тайный советник президента маленького островного народца. Или возьмите того же Гарри Меркурьева, федоровца, который отдыхал у нас в «дурке» с диагнозом «патологическая лень». Он говорил так:

— Время — деньги. Да, это так. Но зачем нужны человеку деньги? Они ему для того, чтобы получать от жизни удовольствие и длить свое здоровье. Я получаю множество совершенно бесплатных удовольствий от сладкой своей лени и сохраняю свое здоровье тем, что не вижу морд какого бы то ни было начальственного быдла. А уж хлеб-то с водой мне слаще мирра и вина.

То есть таковы форма и содержание его личного, штучного, гражданского неповиновения.

Нынче Гарри живет припеваючи тем, что дает в газеты репортажи о своих воплощениях и реинкарнациях. Он уж точно сидел бы в «дурке» вечно, до самого второго пришествия, не сгори она вместе с советским государством. Так же, как и мой друг, летающий псих, добрый Юра Воробьев, который испытал на себе сильное влияние федоровца Меркурьева. Юра, когда ему вкалывали трифтазин, распухал от инъекций, но от боли он не сошел с ума настолько, чтоб выздороветь и стать жестокосердным.

Ему, бывало, вкалывают с добрым напутствием штык-укол в правую ягодицу:

— Ну, псиса, лети!

А он, голубь, кряхтит, но уже подставляет левую половинку и шепчет:

— Спасибо, батюшка! Объяснили...

Он очень беззлобный. В новом обществе Юра уже не боится признаться людям в том, что способен перемещаться во времени даже босиком, если сильно разозлится или испугается. Помнится, лежа в клинике, он ни на какие обескураживающие уколы не обижался, ибо был православным христианином. Бывало, лысый санитар именем Никита жажнет его туплей по голове, а он тут же и щеку подставит. Ведь советские люди были, в большинстве своем и прежде всего, людьми русскими и воспитывались они там, где обсуждались сложнейшие философские вопросы русского бытия — на кухнях и в курилках. В итоге этнически-религиозный инстинкт в пиковые моменты истории легко подавлял атеистически-идеологические установки.

Злобствующий же в насаждении бамбуковых веников гуманизма Парамарибский Сеня, например, из палаты 1917 бис — клевета на советский общественный и государственный строй, — никогда не стал бы депутатом Государственной думы и рублевым миллиардером. Строя — нет, а Сеня — есть. У миллионов — нет денег, а у Сени — миллиарды.

Сегодня наши люди повсюду, где нужна изощренная творческая мысль и богатырская воля. Как сквозь строй, мы прошли через воздействие на нас химиопрепаратами, через инсулиношоковую, атропинокоматозную, электросудорожную и трудотерапии. Нас, вялотекущих шизофреников, пытали нейролептиками, избивали дерзкими руками санитаров-мясников, дразнили сладкой женской близостью, размещали вместе с буйными помешанными. Но мы выходили из своей родной Яшкинской клиники и вновь входили туда всё такими же страстными, добрыми, благородными и внутренне свободными людьми. Своим трудом мы поставили себе на службу паранойю, шизофрению и различные мании с депрессивными психозами.

И оно пришло, наше время. Наши люди из психушек — они повсюду, тем более что идеальной психики, господа, ни у кого нет. В Сибири, например, живет поэт Иван Овчинников-Ржавый, удивительный человек, который шестьдесят лет обходится без денег. Он их принципиально в руки не берет. Такой у него обет служения Музе. Мешает это кому-нибудь? Не думаю. Сумасшедший он или нет? Нет, он первопроходец.

Один из нас, кондуктор трамвая Петя Зленко, тоже никому не мешает: сегодня дрейфует на льдине по Гольфстриму. Он собирался совершить на льдине экскурсионную поездку к развалинам храма Навуходоносора и попутно въехать прямоком в книгу рекордов Гиннеса. По морским семафорам он узнал, что советская власть сдулась окончательно, но он свято верил ей и не захотел возвращаться на материк до ее реставрации.

На примере дрейфующего своего товарища я могу утверждать, что настоящий православный мужчина — господин страха, а не его раб. Ведь дрейфуя, льдина тает, но Петр Зленко не сдрейфит. Тает ледовая шапка Земли, и с нею шансы героя на возвращение. Но он предпочел свободу жить и умереть в океане — демократическим свободам быть утопленным в собственных кровавых соплях. Вот такие у нас в клинике воспитывались кадры.

2

Все мы, по возможности, видимся поныне и без горячки обсуждаем проект будущего профсоюза-автономии психов всея Руси. Помогаем себе сами. Дело перспективное: если вся нация будет жить со справками — нас никому не победить и никому не ограбить. Мы же уроем любого и всякого, ибо на всякого мудреца довольно ее — справки. Правильно говорил мой сибирский коллега, поэт Иван Овчинников-Ржавый, на избрании наших руководящих органов:

— Мне не надо твоих характеристик, ты мне свою историю болезни подавай!

Поэтому, когда в годы перестройки разрешили сниматься с психиатрического учета по желанию или вовсе не вставать на учет, мы восприняли это законодательное послабление как торжество попранной справедливости. Такие политические борцы, как Сеня, наконец-то получили право снять с себя облыжные обвинения.

Спасибо перестройке: с учета снялись огромные батальоны и армии, армады и флоты мнимых больных, но с ними вместе тьмы и тьмы настоящих злодеев. Получается: нарушать права человека нельзя, а то, что при этом нарушаются права огромного числа других лиц, никого не волнует. Рост тяжких преступлений на совести лукавых гуманистов, место которым на просторах Колымы и в трущобах бедламов. Больные «больные» считают себя здоровыми на все сто, а близких своих — сумасшедшими или злодеями на все сто пятьдесят.

А может быть, так оно и есть? Вы посмотрите только, господа Корсаков энд Ганнушкин и Снежневский энд Кашенко, на силуэты и фасоны одежды современного обывателя. Они делают его карикатурным, клоуноподобным, нелепым. Посмотрите на покрой женских шляпок, на мужские «бермуды», на эти яркие примеры сниженной критики, сопутствующей серьезным психическим заболеваниям! Видите? Видите ли вы старуху в брюках, что похожи на рейтузы? На ногах ее — кроссовки, на голове ее — бейсболка с ярким малиновым козырьком.

«Долженствует ли быти прилежное радение о красоте одежд?» «Долженствует, понеже риза яко второе тело человеческого телесе есть, от нея же мысль человеческая знаменатися может»⁴.

А видели ли вы молодлиц с прическами в проплешинах, которые бывают у страдающих трихотилломанией? Это очень тяжелое невротическое расстройство, когда больные вырывают у себя на голове волосы, выдергивают брови и ресницы. А они, болезненные, ходили к дорогому парикмахеру.

«Каковы имуть быти ланиты или ягодицы? Не натирашемъ, ниже присъстроеными красками мазаны, но прирожденнымъ стыдомъ»⁵.

Приглашаю вас в свидетели, господа корифеи от медицины: карикатурность внешнего вида, стремление походить на не самое лучшее существо другого пола — все это психиатрические симптомы. Это массовая деменция. Но обыватель горд и счастлив, нося на себе «модную униформу» вселенского дурдома.

⁴ Эразм Роттердамский.

⁵ Иван Хворостинин «О Царствии Небесном и о воспитании чад».